

С Инной Михайловной мы знакомы со счастливой поры детства, когда в Москве при Театре имени Станиславского была создана первая юношеская студия. Дипломов она не выдавала, но приоткрывала для нас мир Театра. В студии появились Евгений Стеблов, Никита Михалков... И Инна Чурикова! Я, ученица 7-го класса, увидела девочку с роскошной косой, ахнула и влюбилась навсегда. Все, что она делала в кино, на сцене и в жизни, обозначилось для меня окуджавской строкой: «Будто бы след удивленной любви вспыхнувшей, неуголенной». И сегодня, сидя в гримерной театра «Ленком», у народной артистки России, лауреата престижных премий — «Триумф», за лучшую женскую роль на фестивале «Кинотавр», я думаю о явлении отечественной культуры, которое зовется Инной Чуриковой.

Инна
ЧУРИКОВА:

«Даже если мне причинят глубокую боль, я смогу понять и простить»

— «Добились ли почестей постных, рука ли гашетку нажала, в любое мгновение не поздно — начните сначала». По совету Андрея Вознесенского, давай начнем сначала. У меня родители актеры, я о другой профессии не мыслила, а у тебя мама — биолог, папа — агроном. Почему ты пошла в театр?

— Это началось в раннем детстве. Мне нравилось придумывать ситуации, которые со мной происходили в жизни. Я в них верила и играла. Жили мы за городом, в детском саду была воспитательница Лида, постоянно сопливая, но я ее обожала, — мы во что-то играли, я была фея, колдунья, оживляла деревья... А осознанно — это уже в школе. Такая страстная история: собирала фото актеров, я их любила всех, всех! Потом — наша студия, а после школы я поступала во все театральные вузы Москвы, кроме ГИТИСа. В Щукинском «слетела» сразу после консультации. В мхатовском — на 2-м туре: только начала читать, а Карев, который набирал курс, спрашивает: «Знаете, кто такая Афродита?» Я: «Конечно, знаю. Самая красивая, в которую все влюблялись». И он: «А на себя вы смотрели?» Я начала дико улыбаться (а на мне такая кофточка была открытая, юбочка, коса) и вдруг разрыдалась, выбежала из комнаты... Позже мне рассказали, что на обсуждении Карев был за то, чтобы меня принять. Но зачем он это сказал, зачем?! Закончила Щепкинское... Слушай, смотрю на тебя — ты зарядку делаешь?

— Нет. Я ложусь в холодную ванну. А ты? — Правда? В холодную? Ну прямо как Пушкин! А я делаю. Но в холодную ванну не лягу никогда! Хотя Пушкина боготворю! Вообще следить за собой и не работать — для меня кошмар.

— Но, кроме работы, есть еще жизнь, любовь. Вот встретились мы с тобой и заговорили о любви. У тебя вообще чудо произошло. Мало того что Глеб Панфилов твой муж, он еще и режиссер, и какой режиссер!

— Но влюбилась я в Человека. Это и было Чудо!.. Представь, работала в ТЮЗе, играла всяких животных, мечтала о человеческих ролях. Вдруг из Ленинграда второй режиссер привозит сценарий Габриловича и Панфилова «В огне брода нет». Приходит ко мне домой: «Почитай-те, я подожду». Я села в кухне читать, и это было... что-то фантастическое... Эта девочка, Таня Теткина! Гораздо позже, когда мы с Глебом открыли для себя Платонова, я поняла, что мир сценария родственен миру Платонова и что

героиня — оттуда, из тех женщин. Поехала на пробы, встретилась с Глебом. Он такой серьезный человек, пылливый. Пробовалось много девочек, а одна с такими глазами, ну два озера, лицо божественное. А он решил взять меня. Почти весь худсовет был против. Я вернулась в Москву и уже ни о чем думать не могла. В моей жизни это было, понимаешь, будто птица прилетела! А тут — молчание. Затем Глеб предложил мне другую роль. Я решила отказаться. Нечастнее меня не было человека!

— И как же это все-таки случилось?

— Глеб пошел против всех, хотя был дебиант. Вплоть до того, что вовсе не будет снимать картину. У него очень сильный характер.

— Но ведь вышел принципиально другой фильм, если говорить о том, какова была наша кинематография. Совершенно другая эстетика.

— Да, да. Как Платонов в литературе. И национально, и поэтично, и мужественно. Ну разве могла я не влюбиться?!

— Помнишь, у Александра Сергеевича: «Для вдохновения нужно душевное спокойствие». Тебе это не мешало?

— Скорее помогало, делало мою жизнь фантастической, пьянящей. Но и усложняло тоже. Знаешь, я люблю с ним работать. Он очень глубокий. И удивительно первозданно многое воспринимает. Более того. Вот, допустим, спектакль «Сорри». Панфилов — режиссер, вроде как бы и «не приметен», не демонстрирует себя. Но там же все им построено, все!

— Да, высшего класса работа: думаю, эту пьесу трудно будет сыграть кому-то другому. На первый взгляд как бы нет действия. Но столько происходит в душах, и вам с Колей Каранцевым удалось показать это крупным планом.

— Я очень люблю Колю в этой роли, очень. Он замечательный партнер. Вообще «Сорри» — этап в моей жизни. Меня здесь волнует не тема отъезда-приезда, нет, а вот желание любить и в то же время убеждение друг от друга. Это очень точно. Любовь — прекрасное чувство, но у нее горестный опыт. Ты как считаешь?

— Как написала Белла Ахмадулина: «И от любви кровопролитной немеет сердце...» Есть прекрасная стадия — праздник, весны, а потом, к сожалению...

— Но мне интересно только в тех пьесах, где про любовь.

— Не помню, рассказывала ли я тебе... В те, в партийные времена, когда в очередной

раз телевидение отказалось показать мой цветастый спектакль «Люблю — и больше ничего...», Клавдия Ивановна Шульженко, которой очень нравилась эта работа, позволила высокому телевизионному начальству, а ей ответили: «Ну что же она, все про любовь да про любовь. Пусть сделает что-нибудь о любви к партии — пойдет первым экраном». Клавдия Ивановна онемела, только повторяла: «Ну как же это, как же?»

— Это мне знакомо. Не разрешили Панфилову снять «Жанну д'Арк», даже причину не объяснили. Какой был сценарий! Уверена, картина вошла бы в сокровищницу мировой кинематографии. А сейчас я уже не могу играть Жанну, она молодое существо. Да... Жизнь жестока. Какая все-таки огромная ответственность на этих начальниках, когда они принимают то или иное решение.

— А сейчас государство как бы незаметно «освободило» себя от заботы об искусстве. Нет начальников, есть спонсоры (при этом слове я просто вздрагиваю), и уже «ответственность» на их плечах. О, если бы они это осознавали! Вот я написала пьесу «Любовное танго Мерилин» — о Монро. Два года этим занималась, столько материала просмотрела, книг прочла, интервью. Тоже, знаешь, удивительное явление природы эта Монро. Такая незащищенность. Мог бы получиться очень щемящий спектакль, ведь он про всех нас, актеров и актрис. Но где они, наши меценаты, где? Чтой-то не видать... А простаивать тяжело.

— Тяжело! У меня были печальные и трудные периоды, казалось, я совершенно не нужна театру. Но в любой паузе, даже в потере чего-то есть своя ценность. Если ты серьезно о чем-то думаешь, происходит нечто в тебе, и зритель, мне кажется, это чувствует.

— А тебе никогда не казалось, что зри-

тельно. А письмо Татьяны? Магия! Писал гений. Мой сын очень реагирует на слово «гений»: «Ну, мама, что ты говоришь? Скажи еще — «светофор». А как назвать Пушкина?

— Как полагаешь, сейчас актеру выразить себя легче, чем раньше?

— Мне кажется, так же трудно. Приходит молодой человек в театр и сразу попадает в зависимость от режиссера, от драматургии, от случая. И как бы изначально принимает эту ситуацию, «сидит» в ней, жалуется на жизнь... Может быть, возможностей выйти из этой зависимости появилось теперь больше: антрепризы, приватные театры (опять же, если пригласят). Ты ведь тоже в свое время взяла и ушла из театра? Ты смогла сделать это тогда, сделала бы и сейчас. Да?

— Хочешь сказать, что все зависит от характера?

— Обязательно от характера. Хотя я, например, свою жизнь как режиссер не выстраивала. У меня с одной стороны стечение счастливых случайностей, а с другой... Не хотелось бы говорить высокопарно, но я так люблю профессию и то, что мне дают возможности говорить о жизни, фантазировать, проживать ее вдвое, втрое быстрее... Иногда мне кажется, может, это взаимный процесс, и есть какой-то высший промысел в том, что меня судьба сталкивает с людьми, которые меня питают, радуют и волнуют, и к тому же они тоже воспринимают меня. Я говорю не только о Глебе, но и о Марке Захарове, об Андрее Кончаловском... и о Тодоровском, Криштофовиче, Александре Галине, Семене Арановиче и других замечательных людях, с которыми меня много связывает. В конечном счете все зависит от того, какой режиссер с тобой работает, каковы его устремления, вкус.

— Помнишь, у Вознесенского в «Монологе Мерилин Монро» такие жесткие и жестокие строки: «Ведь нам, актерам, жить не с потомками, а режиссеры — одни подонки!» Конечно, это о тех, на «загнивающем» Западе... Скажи, ты умеешь работать сама?

— В каком-то смысле — да. Во всяком случае у меня сложился определенный вкус, восприятие, но все равно, каждая роль — заново. Вечно добираться до сути так немалым трудом. Иногда, сыграв спектакль много-много раз, вдруг что-то открываешь. Сейчас репетирую Аркадину в «Чайке». У Чехова написано: комедия. Значит, надо докопаться до сути, когда все станет смешным. Бывают репетиции, когда очень смешно, а бывает — и нет. Но Марк Захаров (он ставит) чувствует это и к этому ведет. Интересно репетирует Олег Янковский — Тригорина, очень остро. И в Аркадиной немало эксцентричности, но в то же время она естественна. Может, кто-то и скажет: «Она играет», а у меня такое чувство, что я так живу. Конечно, она может поддерживать обстановку, чтобы не было скуки, суеты, все-таки актриса. А в остальном... у нее так много подлинных тревог, и главное — уходит любимый человек, Тригорин. Тут не до «игры!» Декорация фантастическая — живое озеро, организм, субстанция Космос — как Солярис.

— «Колдовское озеро»... Да, это решение. Здорово!

— Скоро прогоны, а кажется, что у меня ничего не готово.

— Ты смелый человек?

— Не знаю. Но в последнее время часто боюсь — за сына, за Глеба, за друзей. Если фашисты к власти придут... Я видела эти лица вокруг Дома кино, был митинг. Это очень страшно! А как до сих пор травят Лию Ахеджакову за ее выступление по ТВ во время октябрьских событий? Даже могилу ее матери осквернили. А кто ее защитит? Некому!

— В одном интервью Анну Маньяни спросили: чему вас научила жизнь? Она ответила: мужеству. А что бы ты сказала? Может, как у Чехова в «Чайке»: «Умей нести свой крест и веруй!»

— Нет, не думаю. Понять человека, даже если он тебя «ударит», причинит глубочайшую боль — это я могу! И простить — могу! Уже бывало так в моей жизни.

— Прощение ведь — христианская идея. Может, потому, что ты верующая?

— С вероисповеданием это не связано. Я просто понимаю, что научилась прощать, а значит, и понимать другого.

— Спасибо тебе. За то, что в минуты творческих неудач и сомнений я «лечилась» не только природой и песнями Высоцкого, а могла еще раз посмотреть любимый фильм «Начало», — пойти в театр на «Тилия», «Мудреца», «Сорри» и всегда уходила вдохновенная, с желанием «творить, выдумывать, пробовать», как бывает только после соприкосновения с настоящим искусством. И я знаю, что не одна такая. И что ВСЕ ЕЩЕ ВПЕРЕДИ!

Беседу вела Алла АЗАРИНА, заслуженная артистка России. На снимках: Инна Чурикова в фильме Глеба Панфилова «Прошу слова»; Алла Азарина и Инна Чурикова (фото Тошии МАЦУСИМЫ).

ревские. Конечно, мешает кашель в зале, если не от гриппа, а знаешь... такой: «Кх, кх, чего это они там делают?» Но даже в неудаче спектакля я не могу обвинить зрителя.

— А у меня не так. Особенно в сольных спектаклях. Какой разной может быть публичка... И глубокой, и поверхностной, и смешливой, и равнодушной. Я целиком завишу от зрителя. Он — мой стопроцентный партнер.

— Понимаю. Это ведь очень интимно. Я это чувствую, когда читаю, редко читаю стихи, со сцены.

— Мне кто-то из актеров рассказывал, что знаменитый мхатовский режиссер и педагог Николай Павлович Горчаков говорил, что стихи сильно развивают воображение актера.

— Конечно! Вот недавно перечитывала «Евгения Онегина». Невозможно спокойно читать, когда Татьяна пишет на стекле пальчиком заветные буквы «О» да «Е». Ну как мужчина мог понять, что такое влюбленность девушки, девочки! И когда Онегин в гости приехал к Лариным, а она помчалась куда-то по саду, сердце бьется... Это же стихи, еще и рифма. Плени-